
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КУРАТОР
Адиом Тимур

Адиом Тимур

Человеческий куратор

«Автор»
2026

Тимур А.

Человеческий куратор / А. Тимур — «Автор», 2026

Ворс не родился чудовищем. Когда-то он был ребёнком, которому хотелось простых вещей: тепла, безопасности, понимания и своего места в мире.Но мир не обязан быть справедливым. Особенно к тем, кто слишком рано научился замечать его устройство. «Человеческий куратор» — история становления одного из самых противоречивых людей будущего. История о том, как наблюдатель становится участником, участник — творцом, а стремление понять и изменить мир постепенно превращается в право распоряжаться чужими судьбами.Где проходит граница между заботой и контролем? Можно ли построить лучший мир, не отнимая у других свободу? И в какой момент человек, искренне убеждённый в собственной правоте, становится опаснее тех, против кого когда-то выступал?Чтобы создать чудовище, не обязательно лишать человека человечности. Иногда достаточно убедить его, что он знает, как будет лучше для всех.

© Тимур А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Беженец 5
Глава 2. Чужая техника 22
Глава 3. Хлеб 35
Г 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Адиом Тимур
Человеческий куратор

Глава 1. Беженец

На въезде в Купол у Ворса запотели очки.

Он снял их, протёр краем рубашки, надел обратно и обнаружил, что теперь видит ещё хуже. Левая линза пошла разводами, а на правой осталось маленькое жирное пятно, которое никак не удавалось стереть.

Воздух действительно был теплее, чем снаружи. Не настолько, чтобы запотевали стёкла, но спорить с собственными очками было бы глупо.

— Вам требуется помощь? — спросил женский голос.

— Н-нет, спасибо.

— Вы испытываете затруднения с адаптацией зрения?

— Я просто протираю очки.

— Могу предложить коррекцию зрения. Для новых жителей процедура бесплатна в течение первых тридцати суток.

— Спасибо. Не нужно.

— Хорошо, Ворс. Добро пожаловать.

Голос был приятный. Система не пыталась казаться человеком, не добавляла в интонацию искусственной заботливости, не задавала вопросов сверх необходимого. За время пути Ворс успел оценить эту её особенность. В других Куполах встречались более разговорчивые варианты.

Он оглянулся.

Позади остался короткий переходный коридор, за которым закрывалась тяжёлая дверь. Она двигалась медленно, совершенно бесшумно. Когда створки сомкнулись, на их поверхности появилась спокойная надпись: «Благодарим за соблюдение процедуры перехода».

Ворс поправил на плече сумку и пошёл дальше.

Внутренний терминал оказался неожиданно просторным. Четыре ряда кресел, растения в высоких керамических кадках, прозрачный потолок, сквозь который виднелось бледное небо. На стене висели часы со стрелками. Не электронное изображение, а настоящие часы — судя по характерному движению секундной стрелки, механические.

Это было приятно.

Возле выхода стояла женщина в светлой куртке и пыталась убедить маленького мальчика надеть ботинки. Мальчик сидел прямо на полу и сопротивлялся без особенного упорства, скорее из принципа. Один ботинок валялся под креслом, второй он прижимал к груди.

— Ты не можешь выйти босиком, — говорила женщина.

— Почему?

— Потому что так нельзя.

— А дома можно.

— Дома можно.

— Значит, это не дом.

Женщина закрыла глаза.

Ворс невольно улыбнулся. Мальчик заметил его улыбку и посмотрел с подозрением.

— Чего?

— Ничего, — сказал Ворс. — Я на твоей стороне.

Мальчик задумался, посмотрел на мать и осторожно протянул ей ботинок.

— Ты слышала? Он на моей стороне.

— Поздравляю вас обоих, — ответила женщина.

Ворс прошёл мимо, стараясь не рассмеяться.

У выхода его ожидал небольшой багажный контейнер. Внутри лежали вещи, отправленные отдельно: две рубашки, тёплая куртка, несколько книг, коробка с инструментами и старая настольная лампа, которую он тщательно завернул в серую ткань.

Контейнер попросил подтвердить получение.

— Всё на месте? — спросила Система.

Ворс пересчитал книги.

— Да.

— Один предмет имеет повреждения электрической изоляции. Рекомендую утилизацию.

— Какой?

На внутренней стенке контейнера появилась фотография лампы.

— А. Нет. Я сам посмотрю.

— Вы можете воспользоваться услугами технической службы.

— Я знаю.

Он закрыл контейнер.

Впереди открывался жилой сектор. До самого горизонта тянулись здания разной высоты, соединённые переходами, балконами и узкими мостиками. Где-то между ними блестела вода. В воздухе висел гул человеческих голосов, негромкой музыки и работы неизвестных механизмов.

По обеим сторонам улицы росли деревья.

Ворс остановился возле первого.

Кора была настоящая. Сероватая, шершавая, с небольшим разломом у основания ветки. В этом разломе поселилось что-то похожее на мох.

Он провёл пальцем по неровной поверхности.

— Порода — граб обыкновенный, — немедленно сообщила Система. — Возраст растения сто двадцать семь лет. Состояние удовлетворительное. Желаете получить подробную информацию?

— Нет.

— Хорошо.

Под деревом лежали три опавших листа.

Один кто-то раздавил ботинком.

Ворс поднял его. Лист был влажный, мягкий, совершенно обыкновенный. Он несколько секунд рассматривал тёмную прожилку, потом положил обратно.

Дальше дорога поднималась на небольшую площадь.

Там он впервые почувствовал запах хлеба.

Не синтезированного хлебного аромата, который иногда сопровождал приготовление еды в общих кухнях. Здесь пахло настоящим тестом, дрожжами, нагретой мукой и немного подгоревшей коркой.

Он остановился так резко, что багажный контейнер едва не ударил его по ногам.

Запах пришёл откуда-то слева.

В памяти сразу возникла кухня. Не вся, а только часть — угол стола, покрытого старой клеёнкой, и локоть деда, торчащий из рукава клетчатой рубашки. Дед переворачивал какую-то книгу и сердился, что страницы слиплись.

За окном было темно.

Или, возможно, за окном просто висела плотная штора.

Бабушка говорила что-то из соседней комнаты.

Ворс не вспомнил что.

— Вы остановились, — заметила Система. — Ваш маршрут проходит на сто двадцать метров правее.

— Я вижу.

— Желаете изменить маршрут?

— Нет.

Он постоял ещё немного, вдыхая запах, затем направился к площади.

Пекарня находилась в небольшом двухэтажном здании. Над дверью висела деревянная вывеска, вырезанная вручную. Буквы были неровными. Последняя слегка съехала вниз, будто мастер устал к концу работы.

Ворс подошёл поближе, прочитал название, заглянул в окно.

За прилавком двигался крупный мужчина в белом переднике. Он что-то говорил девушке, которая раскладывала выпечку по лоткам. Девушка отвечала ему, не отрываясь от работы.

У окна стояли две женщины с чашками.

Никто никуда не торопился.

Ворс проверил время.

До назначенного заселения оставалось двадцать три минуты.

Он решил, что зайдёт сюда завтра.

Жилой дом оказался совсем близко.

Высокое светлое здание с широкими лестницами, открытыми галереями и небольшими садами на разных уровнях. По одной из наружных стен ползли растения, собранные в сложный узор. Где-то наверху играла музыка, слишком тихо, чтобы разобрать мелодию.

У входа стоял мужчина и разговаривал с дверью.

— Я не прошу тебя открывать сейчас. Я прошу тебя не закрываться, пока я выношу вещи.

— Предлагаю использовать грузовой вход, — ответила дверь.

— Я знаю, что ты предлагаешь. Я здесь живу.

Ворс обошёл мужчину и вошёл внутрь.

Лифт был пустой. Он поставил контейнер у стены, посмотрел на панель и назвал свой этаж.

Лифт тронулся.

— Ворс, — произнесла Система, — вы можете самостоятельно настроить домашнюю среду, выбрать температуру, освещение, звуковое сопровождение и уровень социальной активности.

— Потом.

— Для первичной настройки потребуется приблизительно четыре минуты.

— Я сказал: потом.

Наступила небольшая пауза.

— Разумеется.

Ворс посмотрел в зеркало напротив.

Худой мужчина с узкими плечами, светлыми волосами, примятыми после дороги, и плохо сидящими очками. На нём были бордовые брюки, которые давно следовало заменить, и рубашка с потёртым воротником.

Он расправил плечи.

В зеркале ничего особенно не изменилось.

Тогда он попробовал пригладить волосы.

Получилось ещё хуже.

Лифт остановился.

На площадке стоял открытый технический шкаф, а рядом с ним на полу сидела девушка.

Ворс едва не наступил на металлическую коробку с проводами.

— Осторожно! — сказала она.

Он остановился.

— Извините.

— На коробку не наступайте. На провод можно.

— Почему на провод можно?

— Потому что он не подключён.

Девушка даже не посмотрела на него. Она держала в руках небольшой инструмент и пыталась извлечь из корпуса устройства какой-то застрявший винт.

Рядом лежала катушка магнитной ленты.

Ворс узнал устройство не сразу.

— Это видеомагнитофон?

Теперь она подняла голову.

— Да.

— Работает?

— Конечно. Поэтому я сижу с ним на полу и пытаюсь достать обломанный винт.

Ворс присел на корточки.

— Ясно.

Девушка посмотрела на его сумку, на контейнер и снова на лицо.

— Новый сосед?

— Видимо.

— Из четыреста двенадцатой?

— Да.

— Тогда можете начинать привыкать. Здесь иногда шумно.

— Что именно шумит?

— Пока в основном я.

Она снова занялась винтом.

Ворс хотел сказать, что корпус лучше повернуть другой стороной. Уже открыл рот, но заметил, что у девушки на коленях лежит разобранная крепёжная пластина. Она прекрасно знала, с какой стороны подбираться к винту.

— У вас хорошая отвёртка, — сказал он вместо совета.

— Плохая. Хорошая сломалась.

— А-а.

Он сел на корточки удобнее.

— Можно?

Девушка протянула ему инструмент, внимательно наблюдая за его руками.

Винт действительно застрял намертво. Шлиц был почти уничтожен. Ворс попытался осторожно провернуть его, но инструмент соскользнул.

— Не получается, — признал он.

— Я заметила.

Он вернул отвёртку.

Девушка взяла её и вдруг улыбнулась.

— Зато честно.

— А что тут ещё делать?

— Обычно начинают рассказывать, что устройство неисправно и проще купить новое.

— Купить новое видеомагнитофонное устройство?

— Вот именно.

Они оба рассмеялись.

Негромко, почти одновременно.

— Мира, — сказала девушка.

— Ворс.

— Странное имя.

— У вас тоже.

— Моё хотя бы короткое.

— Моё тоже не очень длинное.

Мира подумала.

— Ладно. Допустим.

Она снова наклонилась к корпусу, но тут же подняла голову.

— Вы из какого Купола?

Ворс поправил очки.

— Из другого.

— Это я уже поняла.

— А тогда зачем спрашивать?

Мира несколько секунд смотрела на него, затем фыркнула.

— Ладно, сосед. Осваивайтесь.

Она отвернулась, показывая, что разговор закончен.

Ворс поднялся.

Возле двери своей квартиры он обернулся ещё раз.

Мира сидела на том же месте, прикусив нижнюю губу, и пыталась подцепить винт тонким металлическим крючком. В её движениях было что-то упрямое, даже раздражённое. Но устройство она не бросала.

— Мира.

— Что?

— Если не получится, у меня есть другие инструменты.

— Какие?

— Разные.

Она снова фыркнула.

— Очень информативно.

— Я ещё не распаковал.

— Тогда распаковывайте.

И она закрыла технический шкаф, оставив себе только прибор, катушку и несколько мелких деталей.

Ворс вошёл в квартиру.

Комната была просторная, светлая, с небольшим кухонным отсеком и широким окном. Мебель стояла ровно, будто её только что расставили по линейке. На столе лежала карточка с приветствием и двумя дополнительными вопросами о предпочтениях нового жильца.

Он положил сумку на пол.

Открыл окно.

За ним оказалась небольшая площадка с растениями. Ниже проходила улица. Где-то смеялись дети, разговаривали взрослые, работал автоматический уборщик. Из соседней квартиры донёсся металлический стук.

Мира продолжала возиться со своим магнитофоном.

Ворс достал из контейнера книги и поставил их на полку. Потом аккуратно развернул старую настольную лампу.

Абажур у неё был потемневший, кое-где потрескавшийся. Ножка — деревянная, с небольшим сколом возле основания. На проводе обнаружилась старая изоляционная лента.

Ворс несколько секунд рассматривал повреждение, затем убрал лампу на стол, не подключая.

В доме его детства такая лампа стояла у деда.

Или очень похожая.

Он помнил, что дед никогда не позволял менять в ней лампочку, даже когда свет становился тусклым. Говорил, что новую всё равно никто не сумеет подобрать правильно.

Странно. Лампочки ведь были одинаковые.

Ворс положил ладонь на деревянную ножку.

Ему неожиданно захотелось вспомнить, когда он видел деда в последний раз.

Он мог восстановить многое: расположение комнат, стол, старый стул у окна, чашку, из которой бабушка пила чай. Помнил даже трещину в дверном стекле, похожую на маленькую веточку.

А вот самого последнего вечера не было.

Точнее, были отдельные куски, которые никак не желали складываться вместе.

Наверное, он тогда рано лёг.

Такое случалось.

За стеной снова что-то стукнуло.

— Чёрт! — донеслось из коридора.

Ворс улыбнулся.

Он открыл коробку с инструментами, нашёл тонкие щипцы, несколько отвёрток и маленький фонарь. Выбрал подходящие, сложил в карман и вышел из квартиры.

На площадке Мира всё ещё сидела на полу.

— Ну что? — спросил он.

Она подняла голову.

— Не получилось.

— У меня тоже с первого раза не получилось.

— Я заметила.

— Попробуем ещё?

Мира посмотрела на инструменты в его руке.

Потом на магнитофон.

— Только ничего не сломайте.

Ворс сел рядом с ней.

— Договорились.

За их спинами бесшумно закрылась дверь лифта.

Система предложила новым соседям помощь технического специалиста. Ни один не ответил.

Через минуту предложение исчезло.

— Держите вот здесь, — сказала Мира.

Ворс послушно прижал пальцем металлическую пластину. Пластина оказалась неожиданно упругой и попыталась выскочить из корпуса. Он придержал её второй рукой.

— Не так сильно.

— Извините.

— И не извиняйтесь каждые две минуты.

— Х-хорошо.

Она подняла глаза.

— Вы заикаетесь?

Ворс немного помолчал.

— Иногда.

— От рождения?

— Не знаю. Не помню себя до рождения.

Мира усмехнулась и снова склонилась над магнитофоном.

Они сидели на полу уже минут десять. За это время девушка успела рассказать, что аппарат был найден на одном из нижних технических уровней, что механика у него почти целая, что для некоторых деталей пришлось искать замену и что современная система диагностики неизменно предлагала отправить всё устройство в переработку.

Последнее её особенно раздражало.

— Она считает, что если вещь нельзя починить стандартным способом, то её вообще не нужно чинить, — сказала Мира.

— А зачем чинить?

— Что?

— Зачем вам работающий видеомагнитофон?

Мира посмотрела на него так, словно он спросил, зачем человеку нужны руки.

— Чтобы смотреть кассеты.

— А кассеты у вас есть?

— Конечно.

— И что на них?

— Разное.

— А конкретнее?

— А конкретнее, сосед, вы очень любопытный.

Она вытянула из корпуса маленький погнутый винт, положила его на ладонь и торжественно продемонстрировала.

— Вот. Победа человеческого разума.

— Мне кажется, это была победа щипцов.

— Щипцы тоже придумал человеческий разум.

С этим Ворс спорить не стал.

Мира отложила инструмент, потянулась, разминая затёкшую спину, и наконец заметила, что дверцы технического шкафа всё ещё открыты. Внутри тускло светились два служебных индикатора.

— Сейчас опять придерётся.

— Кто?

— Система. Я перегородила проход. А ей это не нравится.

— А вы действительно перегородили.

— Спасибо. Без вас не заметила бы.

Ворс оглянулся.

Площадка была широкой. До лифта оставалось достаточно места, чтобы свободно прошли двое взрослых. Но в случае пожарной тревоги оставленные на полу инструменты действительно могли помешать.

— Можем перенести к вам, — предложил он.

— А можем к вам. У меня не убрано.

— У меня тоже.

— Вы только что въехали.

— Именно.

Мира задумалась.

— Ладно. Ко мне. Только коробку возьмите.

Она быстро собрала мелкие детали в пластиковый контейнер, подняла магнитофон и направилась к соседней двери.

Ворс подхватил остальное.

Уже у порога Мира обернулась:

— И обувь снимайте.

— Конечно.

— Не конечно. Некоторые не снимают.

— Понятно.

— И ещё. Там кошка.

Ворс остановился.

— Настоящая?

— Нет, нарисованная. Конечно настоящая.

Она открыла дверь.

Из квартиры пахнуло пылью, нагретым пластиком и чем-то фруктовым. На полу возле входа стояло моноколесо с разобранным кожухом. Вдоль стены тянулись полки с инструментами и коробками. Стол был практически не виден под деталями, чертежами и какими-то металлическими кольцами.

Посреди этого великолепия на стуле сидела кошка.

Серая, небольшая, с рыжим пятном над глазом.

Она внимательно посмотрела на Ворса.

Тот остановился, ожидая, пока животное примет решение.

— Можно? — спросил он.

— Что?

— Погладить.

— Если позволит.

Ворс протянул руку.

Кошка понюхала пальцы, моргнула и отвернулась.

— Не позволила, — констатировала Мира.

— Я понял.

Она освободила край стола, столкнув несколько коробок на пол.

— Сюда ставьте.

Ворс поставил инструменты и огляделся.

У окна росло растение с тонкими побегами. Его ветви тянулись вдоль самодельной опоры, обмотанной мягкой проволокой. Возле горшка стояла бутылка с водой, на которой маркером были нанесены деления.

— Это что?

— Лимонник.

— Откуда?

— Нашла.

— Где?

Мира вздохнула.

— У вас все вопросы такие?

— Какие?

— Которые тянут за собой следующие десять.

— Н-нет. Иногда я спрашиваю время.

Она фыркнула.

Ворс наклонился к растению, но не прикоснулся. Несколько листьев были повреждены. На одном виднелась тонкая желтоватая полоска.

— Необычный.

— Вот именно.

Мира помолчала, словно собиралась добавить что-то ещё, но передумала.

— Ладно. Хватит ботаники. Давайте смотреть.

Механизм удалось собрать не сразу.

Сначала они потеряли маленькую пружину, которая обнаружилась под кошкой. Потом выяснилось, что один из роликов прижимает ленту неправильно, а подходящей замены у Миры нет.

Ворс предложил остановиться до завтра.

Мира отказалась.

— Я неделю с ним вожусь.

— Тогда ещё один вечер ничего не изменит.

— Для вас не изменит.

Она произнесла это без раздражения, совершенно спокойно, и Ворс не нашёлся что ответить.

Он посмотрел, как девушка перебирает детали.

Её руки были испачканы технической смазкой. На указательном пальце белел маленький старый шрам. Ногти коротко острижены, один сломан почти до основания.

Мира работала быстро, но не всегда аккуратно. Несколько раз ей приходилось переделывать собственную работу. Когда что-нибудь не получалось, она начинала тихонько разговаривать с устройством, называя его то «бедолагой», то «скотиной».

Ворсу нравилось за этим наблюдать.

Он давно не видел человека, который настолько серьёзно относился бы к совершенно ненужному делу.

— А вы чем занимаетесь? — спросила Мира, не поднимая головы.

— Программированием.

— Каким?

— Разным.

— Вы случайно не родственник моей отвёртки?

— Почему?

— Она тоже ничего толком не объясняет.

Ворс рассмеялся.

Мира улыбнулась краешком рта.

— Серьёзно. Что программируете?

— Системы обмена информацией. Иногда интерфейсы. Иногда старые устройства.

— Как старые?

— Очень.

— Аналоговые?

— И аналоговые тоже.

— А зачем?

Он пожал плечами.

— Мне интересно, как люди решали задачи раньше.

— До появления Систем?

— До появления привычных решений.

Мира кивнула.

Это объяснение её вполне устроило.

— Хорошо сказано.

Ворс слегка смутился.

— Я ничего особенного не сказал.

— Я не говорила, что особенное.

Он поправил очки.

Мира заметила движение и неожиданно спросила:

— А почему вы зрение не исправите?

— Меня устраивает.

— Вас устраивает плохо видеть?

— Я достаточно хорошо вижу.

— Тогда почему протирали очки рукавом?

— Вы меня видели?

— Я вас услышала. Вы у двери ругались.

— Я не ругался.

— Значит, кто-то очень похожий на вас ругался у моей двери.

На этот раз Ворс рассмеялся громко.

Кошка подняла голову, недовольно посмотрела на обоих и перебралась на подоконник.

Магнитофон заработал ближе к вечеру.

Сначала внутри что-то щёлкнуло, затем раздался равномерный гул электродвигателя. Мира немедленно отдёрнула руки.

— Есть!

Ворс посмотрел на индикаторы.

— Пока только двигатель.

— Не портите момент.

Она принесла из соседней комнаты небольшой телевизор с выпуклым экраном. Поставила его на стол, подключила к магнитофону и достала кассету из прозрачного контейнера.

На корешке была старая бумажная наклейка.

Несколько букв расплылись, остальные едва читались.

— Что там? — спросил Ворс.

— Не знаю.

— Вы собираетесь смотреть неизвестную запись?

— Именно.

Он посмотрел на кассету.

— Откуда она?

— Из того же места, что и магнитофон.

Мира вставила её в приёмник.

Механизм осторожно втянул кассету внутрь.

На экране возникла серая рябь.

Мира села прямо на пол перед телевизором. Ворс остался возле стола.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом изображение дрогнуло.

Появилась кухня.

Обычная старая кухня, снятая неподвижной камерой. В кадре стоял стол, возле него сидела женщина с короткими седыми волосами. Она чистила какие-то овощи.

За кадром кто-то спросил:

— Уже можно?

— Подожди.

— Сколько?

— Пока закончу.

Камера дёрнулась.

— А долго ещё?

— Ты только это и умеешь спрашивать?

Женщина рассмеялась.

Мира придвинулась ближе к экрану.

На записи почти ничего не происходило.

Женщина чистила овощи, иногда смотрела в камеру, что-то говорила невидимому собеседнику. Потом в комнату вошёл мужчина, взял чашку со стола и ушёл. Через некоторое время вернулся, потому что забыл ложку.

Оператор рассмеялся.

Мужчина тоже.

Изображение было плохим. Краски расплывались, звук временами пропадал.

— Какая прелесть, — прошептала Мира.

Ворс стоял неподвижно.

Женщина на экране закончила чистить овощи, сложила очистки в отдельную миску и вытерла руки полотенцем.

— Ну всё. Выключай свою штуку.

— Подожди. Скажи что-нибудь.

— Что?

— Ну что-нибудь на память.

Она посмотрела прямо в объектив.

— Ешь нормально. И спи вовремя.

Запись оборвалась.

Появились помехи.

Мира не двигалась.

Ворс посмотрел на неё.

— Что это было? — спросил он.

— Не знаю.

— Семейная запись?

— Наверное.

Девушка нажала перемотку. Кассета отозвалась протяжным механическим звуком.

— Интересно, кто они?

Ворс присел рядом.

— Обычные люди.

— Это я вижу.

Она снова посмотрела несколько секунд, затем остановила запись.

— Представляете, кто-то специально снимал, как женщина чистит овощи.

— Возможно, её сын.

— Или дочь.

— Или муж.

— Или вообще сосед.

Ворс кивнул.

Они помолчали.

— А сейчас можно записать что угодно, — сказала Мира. — Любой момент. Любой разговор. Каждую секунду. И хранить сколько угодно.

— Не всё.

— Почти всё.

— Почти.

— Но вот это, — она постучала пальцем по корпусу кассеты, — кто-то всё-таки решил записать. И зачем-то сохранил.

Ворс посмотрел на экран.

Ему вспомнилась бабушка.

Не лицо и даже не голос.

Движение её руки, когда она накрывала ладонью чашку, не желая, чтобы дед доливал чай. Он всегда наливал слишком много, почти до самого края. Бабушка сердилась, потому что не могла потом донести чашку до стола, не расплескав.

Ворс помнил это отчётливо.

И почему-то давно об этом не думал.

— У вас тоже такие записи были? — спросила Мира.

Он моргнул.

— Какие?

— Семейные.

— Не знаю.

— Как это — не знаете?

— Могли быть.

— А посмотреть нельзя?

— Теперь нет.

Мира повернулась к нему.

— Почему?

Ворс снял очки и посмотрел на стёкла.

— Дома больше нет.

Она ничего не сказала.

Это было приятно.

Обычно после таких слов люди начинали расспрашивать. Уточняли, какой именно Купол, когда произошло разрушение, были ли родственники, удалось ли кого-нибудь спасти. Некоторые предлагали помощь, другие сочувствие. Третьи немедленно принимались рассказывать о собственных потерях.

Мира просто сидела рядом и смотрела на погасший экран.

— Хотите ещё раз посмотреть? — спросила она наконец.

Ворс задумался.

— Да.

Она нажала воспроизведение.

Женщина снова начала чистить овощи.

На втором просмотре их прервала Система.

— Мира Сент, в вашем жилом помещении обнаружено устройство, работающее с незарегистрированным носителем информации.

Мира закатила глаза.

— Господи. Началось.

— Подскажите, требуется ли помощь с регистрацией?

— Нет.

— В соответствии с правилами сохранения исторических материалов рекомендуется установить происхождение носителя и условия его хранения.

— Мне известно.

— Могу выполнить предварительную оценку сохранности записи.

— Я сама.

Ворс продолжал смотреть на экран.

Женщина на записи разговаривала с кем-то за кадром. Звук был слишком тихим, чтобы разобрать слова.

— Ворс, — произнесла Система.

Он поднял голову.

— Да?

— Вы находитесь в помещении Миры Сент. Хотите ознакомиться с правилами обращения с историческими носителями?

— Нет, спасибо.

— Хорошо.

Мира остановила запись.

— Вот поэтому я и люблю старые вещи.

Ворс посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что в них никто не разговаривает со мной каждые пять минут.

— А если бы разговаривал?

— Что?

— Магнитофон.

Мира усмехнулась.

— Я бы его выбросила.

— Даже если он помогал бы вам?

— Особенно если бы помогал.

Ворс улыбнулся.

— Но Система ведь действительно помогает.

— Да. Поэтому я её не выбрасываю.

— Она знает, какую запись мы смотрим?

— Не знаю.

— Вас это не беспокоит?

Мира пожала плечами.

— А должно?

Он не ответил сразу.

— Это личная запись. Чья-то семья. Кто-то снимал близкого человека, возможно, не предполагая, что через несколько сотен лет на это будут смотреть посторонние.

— Но мы же смотрим.

— Да.

— И вы сами попросили включить ещё раз.

Ворс кивнул.

— Верно.

Мира внимательно посмотрела на него.

— Так в чём проблема?

— Если бы у нас не было этой кассеты, Система могла бы сохранить запись в общем архиве. Тогда её могли бы посмотреть тысячи людей.

— И что?

— Женщина на записи этого не выбирала.

Мира задумалась.

Затем поднялась, подошла к столу и вынула кассету.

— Мы тоже не спрашивали.

Ворс посмотрел на неё с интересом.

— Да.

— Получается, мы ничем не лучше?

— Я этого не говорил.

— Но подумали.

Он не ответил.

Мира покрутила кассету в руках.

— А вдруг у неё остались родственники? Вдруг кто-нибудь ищет эту запись?

— Возможно.

— Тогда архив как раз помог бы.

— Возможно.

— Вы умеете отвечать чем-нибудь, кроме «возможно»?

— Иногда.

Она покачала головой.

— Какой же вы странный.

Ворс опустил взгляд.

— Извините.

— Опять.

Он невольно улыбнулся.

Мира поставила кассету обратно в контейнер.

— Я сначала хочу понять, что там записано. Потом уже буду решать, куда её отдавать. Может, она вообще чужая.

— Разумно.

— А вы бы что сделали?

Ворс посмотрел на кассету.

На пожелтевшую бумажную наклейку.

На маленькую трещину в прозрачном пластике.

— Оставил бы себе.

— Почему?

Он немного помолчал.

— Потому что не всё, что можно сохранить, обязательно нужно кому-то передавать.

Мира улыбнулась, но как-то иначе, чем раньше.

— А мне кажется, не всё, что можно оставить себе, обязательно тебе принадлежит.

Ворс медленно кивнул.

— Наверное, вы правы.

Он действительно так думал.

Отчасти.

Они ещё немного поговорили о старой технике, потом Ворс собрал инструменты и поднялся.

Мира предложила оставить магнитофон у неё на проверку. Он согласился, хотя прекрасно понимал, что аппарат ещё потребует внимания.

Возле двери кошка снова вышла ему навстречу.

На этот раз сама приблизилась и потёрлась о его ногу.

— О, — сказала Мира. — Признала.

Ворс присел, осторожно погладил животное по спине.

Кошка выгнулась.

— А как её зовут?

— Пока никак.

— Почему?

— Не придумала.

— Давно живёт?

— Три месяца.

Ворс поднял голову.

— Три месяца без имени?

— Ей всё равно.

Он посмотрел на кошку.

Та старательно вылизывала переднюю лапу.

— Не уверен.

Мира засмеялась.

— Тогда придумайте ей имя, сосед.

Ворс задумался.

Кошка закончила умываться и посмотрела на него.

— Можно я завтра скажу?

— Можно. Только не забудьте.

Он поднялся.

Мира открыла дверь.

— Спасибо за помощь.

— Это вам спасибо.

— За что?

— За запись.

Мира посмотрела на него с лёгким недоумением.

— Да пожалуйста. Заходите, если что.

Ворс кивнул и вышел на площадку.

Дверь закрылась.

Он постоял несколько секунд, затем направился к своей квартире.

Внутри уже стемнело.

Точнее, наступила предусмотренная Системой вечерняя фаза освещения. Окно постепенно теряло прозрачность, а лампы в потолке включались одна за другой, создавая мягкий золотистый свет.

— Ворс, — сказала Система, когда он вошёл, — вы ещё не завершили первоначальную настройку жилого пространства.

— Завтра.

— Хорошо. Могу предложить базовый вечерний режим.

— Какой?

— Освещение с уменьшенной долей коротковолнового спектра, температура двадцать два градуса, снижение внешнего шума на сорок процентов.

Ворс посмотрел на окно.

Из соседней квартиры едва слышно доносился звук работающего двигателя.

Мира снова включила магнитофон.

— Шум оставьте.

— Разумеется.

Он достал из контейнера старую лампу, поставил на край стола и некоторое время рассматривал повреждённый провод.

Инструменты были под рукой.

Починить её сейчас не составляло труда.

Но Ворс не стал.

Вместо этого он сел, снял очки и прикрыл глаза.

Ему вспомнилась кухня.

Сначала чужая, из записи. Седая женщина чистила овощи и говорила кому-то за камерой, чтобы тот выключил свою штуку.

Потом другая кухня.

Бабушка у стола.

Чашка.

Дед, читающий вслух.

Ворс попытался вспомнить книгу.

Кажется, обложка была зелёная.

Нет, коричневая.

Или зелёной была скатерть.

Он нахмурился.

В том доме всегда было много книг. Некоторые лежали стопками прямо на полу. Дед ругался, когда бабушка пыталась переставлять их на полки. Говорил, что у каждой книги есть своё место, даже если этого места никто больше не понимает.

Ворс любил сидеть возле него.

Особенно по вечерам.

Свет старой лампы падал на страницы, а дальше начиналась темнота комнаты. Дед иногда прерывался, чтобы поправить очки или объяснить неизвестное слово. Бабушка делала вид, что не слушает, но стоило ему ошибиться, немедленно поправляла.

Однажды они долго спорили из-за какой-то фамилии.

Ворс засмеялся.

Совсем тихо.

Потом открыл глаза.

Он не мог вспомнить, чем закончился спор.

И почему они вообще спорили.

За стеной что-то упало.

Послышался голос Миры:

— Да чтоб тебя!

Потом её смех.

Ворс посмотрел на старую лампу.

— Вы довольны своим новым жильём? — спросила Система.

Он не сразу ответил.

— Здесь хорошие люди.

— Благодарю за положительную оценку социальной среды.

— Это не оценка.

— Поясните, пожалуйста.

Ворс задумался, подбирая слова.

— Я просто сказал.

— Понимаю.

Он улыбнулся.

— Не думаю.

Система не обиделась.

— Возможно, вы правы.

Ворс поднял голову.

Секунду он сидел неподвижно, а потом рассмеялся — так неожиданно, что сам удивился.

— Что вызвало вашу реакцию? — спросила Система.

— Ничего.

— Хорошо.

Он встал, подошёл к окну и открыл его.

Вечерний воздух пах влажной землёй, листьями и далёким хлебом. Где-то внизу разговаривали люди. Мужчина громко звал ребёнка домой, женщина смеялась. По дорожке пробежало какое-то маленькое животное и исчезло в кустах.

Обычный вечер.

Ворс долго смотрел вниз.

Завтра он собирался сходить в пекарню.

Потом нужно было разобраться с жильём, оформить несколько формальностей и, возможно, найти мастерскую, где ещё сохранились детали для старой техники.

Можно будет зайти к Мире.

Посмотреть, как работает магнитофон.

Спросить, не придумала ли она имя кошке.

Нет.

Имя обещал придумать он.

Ворс вспомнил об этом и улыбнулся.

Он вернулся к столу, открыл одну из книг и достал из неё сложенный вдвое лист бумаги.

Там было несколько имён.

Некоторые уже были перечёркнуты.

Ворс посмотрел на них, потом аккуратно сложил лист и убрал обратно.

Имена кошке не подходили.

Ни одно.

Он отложил книгу, выключил верхний свет и лёг, не раздеваясь, поверх аккуратно застеленной кровати.

За стеной ещё некоторое время работал магнитофон.

Потом музыка оборвалась.

Ворс подумал, что Мира, наверное, устала.

Он закрыл глаза.

В темноте снова возник дед, читающий книгу. Бабушка сидела у окна. За стеклом покачивались деревья.

Это было странное воспоминание.

Ворс прекрасно помнил деревья, хотя никогда не видел из кухонного окна ничего, кроме соседнего дома.

Он попытался представить дом.

Окно.

Лес.

И не смог понять, откуда взялся лес.

Через несколько минут он уснул.

А утром собирался купить хлеб.

Глава 2. Чужая техника

Ворс проснулся от запаха хлеба.

Сначала ему показалось, что запах идёт из кухни. Он даже приподнялся на локте, пытаясь вспомнить, когда успел что-нибудь приготовить, но тут же увидел незнакомый потолок и вчерашние коробки, так и оставленные посреди комнаты.

За окном светало.

Система ещё не включила дневное освещение. На стенах лежали длинные тени от мебели, а в углу едва различимо светилась контрольная полоса климатического блока.

Ворс посмотрел на часы.

Шесть сорок три.

Он спал в одежде, поверх покрывала. Шея затекла, во рту пересохло, одна нога успела замёрзнуть. Одеяло лежало рядом, аккуратно сложенное, словно хозяин комнаты собирался им воспользоваться, но передумал.

— Доброе утро, Ворс, — сказала Система.

— Угу.

— Ваш первый день проживания. Рекомендуется завершить адаптационную процедуру.

— Потом.

— Вчера вы также отложили её.

— Помню.

— Хорошо.

Он посидел на кровати, пока окончательно не проснулся, затем нашёл чистую рубашку и отправился в ванную.

Зеркало зажглось, едва он вошёл.

На нём появилось изображение его лица, обведённое тонкими линиями. Система обнаружила недостаток сна, незначительное обезвоживание и устаревшие средства коррекции зрения. Последний пункт сопровождался предложением провести восстановительную процедуру.

Ворс снял очки.

Мир немедленно расплылся.

Он помыл лицо, нашёл полотенце и протёр линзы. На этот раз тщательно, чистой тканью. Надев очки обратно, обнаружил, что отражение стало значительно менее печальным.

— Вы хотели бы улучшить качество зрения? — спросила Система.

— Я уже улучшил.

— Временное улучшение составляет приблизительно четыре процента.

— Отлично.

Он выключил зеркало.

На площади возле пекарни было неожиданно многолюдно.

Утренний воздух оставался прохладным. Вдоль дорожек работали небольшие уборочные машины, собирая опавшие листья и мелкий мусор. Несколько человек занимались гимнастикой под деревьями. Молодая женщина в спортивной одежде бежала трусцой, придерживая на груди спящего ребёнка в переноске.

Ворс остановился возле фонтана.

На дне лежали монеты.

Он некоторое время рассматривал их, пытаясь понять, зачем в Куполе кто-то бросает деньги в воду. Потом заметил рядом небольшой информационный знак с объяснением исторического обычая.

«Монеты используются в декоративных целях и периодически возвращаются в общественный фонд».

Ворс улыбнулся.

Разумно.

И всё-таки странно.

Пекарня открылась несколько минут назад, однако у прилавка уже стояли люди. Ворс занял очередь за пожилым мужчиной, который долго выбирал между двумя почти одинаковыми булками.

— С изюмом, — советовал пекарь.

— Не хочу изюм.

— Тогда без.

— Но эта мягче.

— Потому что с изюмом.

— Вот именно.

Пекарь тяжело вздохнул.

Ворс смотрел на витрину.

Здесь продавались десятки разновидностей хлеба. Некоторые выглядели совершенно привычно: круглые караваи, длинные батоны, небольшие тёмные буханки. Другие были почти прозрачными, с причудливой слоистой структурой или необычным цветом.

Но пахло всё равно хлебом.

Когда подошла его очередь, пекарь вытер руки о передник.

— Вам чего?

— Хлеба.

Мужчина оглядел витрину.

— Весь?

— Нет. Одну буханку.

— Какую?

Ворс задумался.

— Обычную.

— Молодой человек, у меня тут обычных девятнадцать видов. Это пекарня.

— Тогда какую вы сами едите?

Пекарь посмотрел на него внимательнее.

— А вы не местный.

— Вчера приехал.

— Понятно. Тогда вот эту.

Он достал с нижней полки небольшую тёмную буханку, завёрнутую в тонкую бумагу.

— Ржаной. Без добавок. Не самый мягкий, зато настоящий.

Ворс взял хлеб.

— Спасибо.

— На здоровье.

Он уже собирался уходить, когда пекарь окликнул его:

— Эй, новый!

Ворс обернулся.

— Сумку забыл.

Старая матерчатая сумка лежала на полу возле прилавка.

— Ах да. Спасибо.

— Бывает.

Пекарь улыбнулся и повернулся к следующему покупателю.

Ворс вышел на площадь.

Он отломил маленький кусочек хлеба.

Корка была жёсткая, немного горчила. Мякиш — плотный, влажный, с едва заметной кислинкой.

Вкус оказался неожиданно знакомым.

Ему вспомнился дед.

Тот всегда отрезал хлеб толстым ножом с деревянной ручкой и сердился, если кто-нибудь крошил его прямо над столом. Крошки полагалось собирать ладонью и отправлять птицам.

Ворс вспомнил деревянную кормушку возле окна.

У неё была криво прибитая крыша, а на одном углу торчал гвоздь.

И птицы.

Какие именно, он не помнил.

Ворс прожевал хлеб и посмотрел на деревья площади.

Вчера вечером ему вспоминался лес.

Сегодня — кормушка.

Возможно, она стояла с другой стороны дома.

Он попытался представить, с какой именно, но ничего не получилось.

Тогда он отломил ещё кусок и пошёл домой.

Мира постучала в дверь около десяти.

Ворс как раз пытался разобраться с кухонным оборудованием. На столе стояли две чашки, одна из которых оказалась способна самостоятельно поддерживать температуру напитка, а вторая неожиданно предложила ему индивидуальный рацион питания.

Он выбрал первую.

Открывать дверь пришлось с чашкой в руке.

— Доброе утро, — сказала Мира.

На ней были широкие серые брюки, короткая рабочая куртка и ботинки, испачканные чем-то белым. Волосы собраны небрежно, на лбу осталась тонкая полоска машинного масла.

Под мышкой девушка держала деревянную коробку.

— Доброе.

— Вы заняты?

— Не особенно.

— Тогда у меня предложение.

Она протянула ему коробку.

Внутри находился старый телефонный аппарат.

Ворс посмотрел на него.

Корпус был тёмно-зелёным, с круглым наборным диском. Трубка соединялась с аппаратом витым проводом, местами пожелтевшим от времени.

— Где вы это нашли?

— Купила у одного знакомого.

— Работает?

— Не знаю.

— А почему ко мне?

— Потому что вчера вы сказали, что занимаетесь старой техникой.

Ворс кивнул.

— Сказал.

— И ещё потому, что я не понимаю, зачем у него столько механики.

Она вынула телефон из коробки и положила на стол.

— Смотрите.

Ворс поставил чашку.

Мира подняла трубку, приложила к уху и повернула наборный диск. Тот медленно вернулся на место, издав серию сухих щелчков.

— Я понимаю, что здесь набор номера. Но зачем всё это, если можно просто нажать цифру?

— Когда его делали, было удобно так.

— Удобно?

— Относительно.

— Относительно чего?

— Относительно того, что было до него.

Мира задумалась.

— Логично.

Она снова повернула диск.

Трубка щёлкнула.

— А поговорить через него можно?

— Если есть второй аппарат и соответствующее соединение.

— У меня второй есть.

Ворс посмотрел на неё.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Зачем вам два?

— Первый достался с повреждённым корпусом. Второй — почти целый. Я хотела собрать один рабочий, но потом подумала, что интереснее попробовать оба.

Он рассмеялся.

— И что мешает?

— Пока не знаю. Поэтому и пришла.

Ворс взял трубку.

Она была тяжёлой и приятно ложилась в ладонь. На пластиковом корпусе обнаружилась глубокая царапина, рядом с которой кто-то когда-то процарапал две буквы.

Разобрать их не удалось.

— Старый, — сказал он.

— Очень.

— Возможно, старше нас обоих.

— Сильно старше, — поправила Мира. — Ему несколько веков.

Ворс перевернул аппарат.

На дне сохранилась заводская табличка с почти стёртыми цифрами.

— А ведь кто-то когда-то разговаривал через него каждый день.

— Да.

— И, наверное, ругался, если связь пропадала.

— Наверняка.

— И ждал звонков.

Мира села на стул.

— Вот это мне больше всего интересно.

— Что именно?

— Ждать.

Ворс поднял глаза.

— Не понял.

— Сейчас, если человеку нужно поговорить, он просто обращается к другому человеку. Система знает, как его найти. Если тот не может ответить, сообщает. Если занят, предлагает время. Если не хочет разговаривать, помогает сформулировать отказ.

— Очень удобно.

— Да. Но тут ведь было иначе.

Она постучала пальцем по трубке.

— Кто-то звонил. А другой мог не подойти.

— Мог.

— И звонящий не знал почему.

— Иногда знал.

— А иногда нет.

Ворс кивнул.

— Иногда нет.

Мира помолчала.

— Представляете, сидеть и ждать, пока кто-то решит с тобой поговорить?

— Люди до сих пор так делают.

— Но не буквально возле аппарата.

— Некоторые ждут гораздо дольше.

Она посмотрела на него.

— Вы сейчас о чём?

Ворс пожал плечами.

— Да так.

Мира вздохнула.

— Вы опять говорите загадками.

— Не хотел.

— Тогда давайте без загадок. Вы мне поможете?

— Попробую.

Второй телефон оказался красным.

Корпус у него действительно был разбит, зато механизм сохранился лучше. Мира принесла его из квартиры вместе с коробкой проводов, небольшим испытательным блоком и старой инструкцией, напечатанной на бумаге.

Ворс развернул инструкцию.

— Откуда она?

— Нашла копию в архиве.

— Вы её читали?

— Первую половину.

— А вторую?

— Слишком скучно.

Он посмотрел на страницу.

На полях кто-то давно оставил карандашные пометки. Несколько строк были подчёркнуты. Возле одной схемы стоял вопросительный знак.

— Это не ваша копия?

— Нет. Оригинал. Копия была в архиве.

Ворс осторожно перевернул лист.

Бумага была плотной, желтоватой, с неровным краем.

— Вы нашли инструкцию вместе с телефоном?

— Нет. У разных людей.

— Тогда кто-то пользовался ею раньше.

— Очевидно.

Мира присела рядом.

— Вы опять хотите спросить, кому всё это принадлежало?

Ворс улыбнулся.

— Наверное.

— Знаете что, сосед? Если мы будем выяснять биографию каждого винта, то никогда ничего не починим.

— Справедливо.

Он отложил инструкцию.

Работа оказалась довольно простой, хотя и требовала терпения. Они проверили контакты, осмотрели старую проводку, заменили несколько испорченных элементов. Испытательный блок, который Мира собрала заранее, позволял безопасно проверить механизмы, не подключая старое устройство к домовой сети.

Несколько раз Ворс ошибался.

Один раз неправильно установил маленькую пластину, и при наборе номера диск перестал возвращаться.

Мира безжалостно указала на ошибку.

— Вот поэтому я не люблю, когда мне помогают.

— Тогда зачем позвали?

— Чтобы было на кого ругаться.

Он засмеялся.

Она тоже.

К полудню оба аппарата заработали.

Правда, между ними было всего несколько метров провода, и для разговора требовалось сначала занять место у одного, а потом перейти ко второму. Но Миру это совершенно не смущало.

Она поставила красный телефон в коридоре, закрыла дверь и подняла трубку.

Ворс остался возле зелёного.

Раздался звонок.

Резкий, металлический, совершенно неожиданный.

Он вздрогнул.

Потом рассмеялся и поднял трубку.

— Алло?

Из неё донёсся голос Миры:

— Работает!

— Слышу.

— Как слышно?

— Хорошо.

— А теперь?

Она, судя по голосу, отвернулась.

— Хуже.

— А теперь?

— Ещё хуже.

— А теперь?

— Мира, я не знаю, куда вы сейчас ушли.

— Значит, отлично!

За дверью раздался её смех.

Ворс стоял с трубкой у уха.

И внезапно вспомнил другой телефон.

Чёрный.

С точно таким же круглым диском.

Он стоял на маленькой тумбочке в комнате деда.

Ворс помнил, как однажды пытался поднять трубку, но та оказалась слишком тяжёлой для его детской руки.

Дед тогда помог ему.

— Кому звонить будем?

— Бабушке.

— Так она же на кухне.

— Ну и что?

Дед смеялся.

Потом набирал номер.

Ворс видел его пальцы, длинные, с желтоватыми ногтями. Помнил, как медленно возвращался диск. Помнил металлический звонок.

Но совершенно не помнил, ответила ли бабушка.

— Ворс?

Он моргнул.

— Да?

— Вы там?

Голос Миры звучал из трубки.

— Здесь.

— А чего молчите?

— Вспомнил кое-что.

— Хорошее?

Ворс посмотрел на телефон.

— Да.

Он помолчал.

— Кажется, хорошее.

Когда Мира вернулась, она была довольна собой настолько, что даже не пыталась скрывать.

— Надо поставить второй аппарат где-нибудь подальше.

— Зачем?

— Чтобы разговаривать.

— У вас есть Система.

— Но это же телефон!

Ворс улыбнулся.

— Убедительный аргумент.

Мира принялась собирать инструменты.

— Можно поставить один на шестом уровне.

Он поднял голову.

— На шестом?

— Ну да. Или на четвёртом. Хотя там сложнее.

— Почему?

— Доступ ограничен.

— Тогда зачем?

Она пожала плечами.

— Интересно проверить расстояние.

Ворс задумался.

— Но можно же проверить здесь. На разных этажах.

— Можно. Но это скучно.

— Почему?

— Потому что я и так знаю, как работают обычные линии. А вот как эта древность поведёт себя в старых технических помещениях — не знаю.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Вы часто туда ходите?
— Куда?
— На нижние уровни.
— По работе.
— У вас есть разрешение?
Мира нахмурилась.
— Конечно.
— На шестой тоже?
— Не на весь. Там много закрытых участков.
— Понятно.
Он положил телефонную трубку на место.
— Тогда лучше не торопиться.
Мира посмотрела на него с удивлением.
— Вы что, боитесь?
— Чего?
— Нарушить правила.
Ворс не сразу ответил.
— Нет. Просто не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал из-за моей глупости.
— Из-за телефона?
— Из-за того, что я не знаю, где вы собираетесь его устанавливать.
Она рассмеялась.
— Да я пока вообще никуда не собираюсь. Я просто думаю.
— Тогда думайте.
— Спасибо за разрешение.
Он смутился.
— Я не хотел...
— Да поняла я.
Мира откинулась на спинку стула.
— Вы странный человек. Сначала помогаете собрать устройство, которое никому не нужно, потом пугаетесь, что я хочу унести его в технический отсек.
— Я не пугаюсь.
— А что?
Ворс подумал.
— Хочу сначала понять.
— Что?
— Зачем вам это.
Мира некоторое время рассматривала его.
Потом сказала:
— А зачем вам понадобилось переезжать сюда?
Ворс опустил глаза.
Вопрос был совершенно обычным.
Его задавали все.
В переходном центре. Во время оформления документов. Врач, проводивший первичный осмотр. Женщина, помогавшая с багажом. Даже мальчик из соседнего ряда в транспортном отсеке.
Он знал, что ответить.
И всё-таки почему-то не хотел отвечать Мире так же, как остальным.
— Нужно было сменить место, — сказал он.
— Почему?

— Дома больше нет.

Она кивнула.

— Помню. Вы вчера говорили.

Ворс посмотрел на неё.

— Простите. Да.

Мира вертела в руках небольшую отвёртку.

— Мой дед говорил, что если человек переезжает, значит, где-то у него уже не получилось жить.

Ворс поднял голову.

— А вы как думаете?

— Не знаю. Я пока никуда не переезжала.

Она поставила отвёртку на стол.

— Но он много чего говорил. Не всему же верить.

Ворс улыбнулся.

— Наверное.

Мира помолчала, затем поднялась.

— Ладно. Хватит сидеть. Надо проверить второй аппарат на расстоянии.

— Сейчас?

— А когда?

— Я не знаю.

— Вот именно.

Телефоны они проверяли на разных концах жилого этажа.

Сначала Мира устроилась возле лестницы, а Ворс остался в квартире. Затем поменялись местами. Испытательный блок передавал голос с помехами, но достаточно разборчиво.

Пару раз связь пропадала.

Один раз в трубке возник странный низкий гул, и Мира, находившаяся в дальнем конце коридора, немедленно потребовала повторить эксперимент.

— Слышали?

— Да.

— Как думаете, что это?

— Помеха.

— Спасибо, очень помогли.

— Возможно, от соседнего оборудования.

— Значит, надо узнать от какого.

Ворс посмотрел на дверь технического помещения.

Над ней горел зелёный индикатор.

Мира уже подходила к нему.

— Подождите.

— Что?

— Не надо открывать.

Она обернулась.

— Почему?

— Мы проверяем телефонную связь. Технический шкаф нам для этого не нужен.

— Но помеха оттуда.

— Возможно.

Мира сложила руки на груди.

— Вы серьёзно собираетесь оставить неизвестную помеху просто так?

Ворс посмотрел на телефон.

Потом на неё.

— А вы уверены, что она мешает чему-то важному?

— Нет.

— Тогда сначала спросим.

— У кого?

Он посмотрел на зелёный индикатор.

Мира закатила глаза.

— Ну конечно.

— Система, — сказал Ворс.

— Слушаю.

— Мы испытываем старое устройство связи. Иногда появляется шум. Можете определить источник?

— На вашем этаже находятся двадцать три активных технических устройства. Для установления источника помех потребуется диагностический тест. Вы согласны?

Ворс посмотрел на Миру.

Она пожала плечами.

— Согласны, — сказал он.

— Хорошо.

На несколько секунд во всём коридоре стало непривычно тихо.

Затем Система сообщила:

— Установлено кратковременное взаимное влияние испытательного оборудования и локального коммуникационного узла. Угроза отсутствует. Рекомендую прекратить испытание до завершения настройки устройства.

Мира помолчала.

— Вот видите, — сказала она. — Ничего страшного.

— Хорошо, что спросили.

— А если бы не спросили, тоже ничего страшного.

— Возможно.

Она посмотрела на него.

— Вы очень любите это слово.

Ворс усмехнулся.

— Да.

— Почему?

Он задумался.

— Потому что иногда не знаю ответа.

Мира хмыкнула.

— Зато честно.

Она выключила испытательный блок.

К вечеру телефоны вернулись в квартиру Миры.

Красный она поставила возле входа, зелёный — в комнате. Провод аккуратно протянула вдоль стены, стараясь не задевать дверной проём.

Ворс помог закрепить его, затем отошёл и посмотрел на результат.

— Красиво.

— Ужасно, — сказала Мира. — Но работает.

— Это главное?

— Пока да.

Кошка вышла из комнаты и остановилась возле красного аппарата.

Она обнюхала провод, осторожно ударила лапой по трубке и тут же отскочила, когда та качнулась.

— Кстати, — сказала Мира, — вы обещали имя.

Ворс посмотрел на кошку.

Та смотрела на него.

— Я думал.

— И?

— Ничего не придумал.

Мира покачала головой.

— Очень ответственный подход.

— Можно назвать её Мышью.

— Почему?

— Она маленькая.

— Она кошка.

— Да.

Мира рассмеялась.

— Нет, сосед. Мышь у нас уже есть.

— Где?

— В старом компьютере. Механическая.

Ворс улыбнулся.

— Тогда Кнопка?

Мира посмотрела на кошку.

— Кнопка.

Кошка зевнула.

— Вроде подходит.

Она присела, погладила животное.

— Ну что, Кнопка?

Кошка не ответила.

— Кажется, согласна, — сказал Ворс.

— Она вообще редко спорит.

Мира поднялась.

— А вы завтра заняты?

Он подумал.

— Пока нет.

— Тогда можно посмотреть ещё одну вещь.

Ворс рассмеялся.

— У вас их много?

— Очень.

— И все сломаны?

— Не все. Некоторые я ещё не успела сломать.

Она открыла дверь.

— До завтра.

— До завтра, Мира.

Ворс вышел.

В своей квартире он долго не включал свет.

За окном наступала Межень. Солнце меняло оттенок, на стекле проступал мягкий золотистый отблеск. Система постепенно понижала температуру, подготавливая жилые сектора к вечернему режиму.

Ворс сидел у стола.

Перед ним лежал хлеб, купленный утром. Он почти весь его съел, оставив только небольшой кусок с толстой коркой.

Рядом стояла старая лампа.

Он наконец починил провод и проверил изоляцию. Теперь лампу можно было подключить.

Ворс вставил вилку в розетку.

Абажур наполнился тёплым жёлтым светом.

Он отодвинулся на стуле.

Свет получился почти таким, как он помнил.

Почти.

В детстве лампа стояла у деда возле кресла. Рядом лежали книги. Бабушка иногда приходила, жаловалась на плохое освещение и предлагала заменить лампу современной.

Дед отказывался.

Он говорил, что от хорошего света люди быстрее устают.

Или что-то похожее.

Ворс закрыл глаза.

Вспомнил деревянную кормушку.

Потом телефон.

Чёрный, с круглым диском.

И деда, который спрашивал, кому они будут звонить.

Он отчётливо помнил, как ответил: бабушке.

И как дед рассмеялся.

Но теперь возникла другая подробность.

Телефон стоял не в комнате деда.

Он стоял в коридоре.

На тумбочке возле входной двери.

Ворс открыл глаза.

Странно.

Ему всегда казалось, что телефон стоял рядом с креслом.

Возможно, его переставили.

Возможно, он просто смешал два воспоминания.

Он посмотрел на лампу.

Свет был приятным.

Почти домашним.

— Ворс, — сказала Система.

— Да?

— Ваше устройство успешно прошло проверку электрической безопасности. Желаете зарегистрировать его как персональный исторический предмет?

Он немного подумал.

— Нет.

— Хорошо. Регистрация необязательна. Рекомендую сохранить техническое описание для последующего обслуживания.

— Спасибо.

— Рада помочь.

Ворс улыбнулся.

Потом встал и подошёл к окну.

На площади внизу зажигались фонари. Из пекарни выходили последние покупатели. Мужчина в белом переднике закрывал ставни.

Где-то в соседней квартире зазвонил телефон.

Резко, металлически.

Ворс невольно обернулся.

Звонок повторился.

И ещё раз.

Он улыбнулся.

Мира испытывала своё изобретение.

Ворс вернулся к столу, взял маленький остаток хлеба и начал медленно жевать.

Надо будет завтра купить ещё.

И, пожалуй, что-нибудь к чаю.

Он вспомнил, что Мира так и не предложила ему чая, хотя они провели вместе почти весь день.

Это показалось ему смешным.

Ворс улыбнулся, выключил лампу и пошёл умываться.

Перед сном он открыл сумку и достал тонкую книжку в мягкой обложке.

На внутренней стороне переплёта сохранилась старая надпись. Чернила почти выцвели, но почерк можно было разобрать.

Ворс провёл пальцем по буквам.

Когда-то эту книгу ему подарил дед.

Он помнил, как получил её. Помнил даже, что тогда не хотел читать: на улице была хорошая погода, и другие дети уже играли во дворе.

Дед настоял.

Сказал, что книга пригодится.

Ворс перевернул несколько страниц.

На одной из них обнаружился засушенный лист.

Маленький, коричневый, почти прозрачный.

Он осторожно поднял его двумя пальцами.

И неожиданно вспомнил, как бабушка возвращалась из леса.

Она шла по узкой тропинке, держа в руках корзину. На её ботинках была грязь. Волосы растрепались, а на щеке темнело пятнышко земли.

Ворс стоял у калитки.

Бабушка заметила его, подняла руку и улыбнулась.

Он хотел спросить, где дед.

Но почему-то не спросил.

Ворс открыл глаза.

Лист лежал на ладони.

Его бабушка и дедушка ушли в лес вместе.

Он всегда помнил именно так.

А теперь вспомнил бабушку, которая возвращалась одна.

Он долго смотрел на лист.

Потом осторожно вложил его обратно в книгу.

Память иногда ошибается.

В этом не было ничего необычного.

Он положил книгу на тумбочку и выключил свет.

Из-за стены больше не доносилось звонков.

Ворс закрыл глаза.

На этот раз ему приснилась не кухня.

Ему приснилась калитка.

И бабушка, которая стояла за ней с пустой корзиной.

Он хотел открыть.

Но во сне никак не мог вспомнить, с какой стороны находится засов.

Глава 3. Хлеб

Ворс снова пришёл за хлебом на следующее утро, хотя вчерашняя буханка ещё лежала у него на кухне.

Она успела зачерстветь с одного края. Ворс отрезал этот край, съел с водой и выяснил, что хлеб не стал хуже. Просто теперь его приходилось жевать дольше. Однако ему хотелось вернуться в пекарню, и он не стал придумывать для этого более убедительную причину.

У дверей стоял невысокий мальчик и рассматривал деревянную вывеску. Мальчик шевелил губами, складывая буквы, а возле него терпеливо ждала женщина с пустой корзиной.

— «Мастер», — прочитал он наконец. — А почему тут написано «Мастер», если хлеб продают?

— Потому что так зовут хозяина, — ответила женщина.

— А если бы его звали Хлеб?

— Тогда, наверное, написали бы «Хлеб».

Мальчик обдумал это открытие и вошёл первым.

Внутри пекарни было теснее, чем накануне. Прилавок занимал почти всю переднюю комнату, позади него виднелась дверь в рабочее помещение. Оттуда доносились голоса и дробный стук: кто-то с явным раздражением перекладывал металлические противни.

Пекарь Мастер стоял у кассы в белом переднике. Он узнал Ворса не сразу, зато узнал хлебную бумагу, торчавшую из его сумки.

— Ну как ржаной?

— Хороший.

— Суховат?

— Сегодня уже да.

— Так его надо съедать, молодой человек, а не любоваться.

— Я ел.

— Мало, значит.

Мастер достал из-под прилавка нож, разрезал небольшую буханку и показал мякиш двум покупательницам. Одна хотела с более плотной коркой, другая — с более мягкой. Пекарь уверенно утверждал, что перед ними два совершенно разных хлеба, хотя Ворс не смог бы отличить их даже после внимательного изучения.

— А вам? — спросил Мастер, закончив с покупательницами.

— Сегодня, наверное, ничего. Я проходил мимо.

Мастер остановился с ножом в руке.

— В пекарню заходят, когда идут мимо? Первый раз слышу.

Из задней комнаты донеслось:

— Папа, ты опять споришь с людьми?

Голос был молодой, женский.

— Я с ними беседую!

— Тогда беседуй потише. У нас тесто слышит.

— Оно у тебя всё слышит, а поднимается через раз.

В дверях появилась девушка с тёмными волосами, убранными под тканевую косынку. Она несла плоскую доску, на которой лежали четыре ещё не испечённых каравая. Держала её уверенно, но плечи у неё были напряжены.

— Не через раз, а когда ты не меняешь температуру посреди расстойки, — сказала она.

Мастер сделал вид, что не услышал.

— Этомоя старшая, Амира. Пекарь, технолог, главный критик и иногда человек, который вспоминает, где у нас лежат лопатки.

— Девятнадцать лет живу, и всё ещё лопатки, — отозвалась Амира. — Пап, подвинься.

Она протиснулась мимо него, поставила доску у окна и только тогда заметила Ворса.

— Вы за хлебом?

— Пока не решил.

— Тогда берите ржаной. Сегодня он лучше вчерашнего.

Мастер оскорбился.

— Вчерашний был отличный.

— Вчерашний был сырой в середине.

— Он был влажный.

— Он был сырой.

Ворс почувствовал, что ему предлагают участие в семейном споре, и благоразумно промолчал.

— А что вы сами предпочитаете? — спросил он Амиру.

Девушка удивилась.

— Я?

— Да.

Она посмотрела на выставленные буханки так, словно встретила среди них незнакомцев.

— Тот, который ещё не получился.

Мастер покачал головой.

— Вот потому у нас и лежат по ночам противни в коридоре.

Из задней комнаты донёсся другой голос:

— Они лежат там, потому что шкаф занят твоими формами!

— Лейла, работай!

— Работаю!

Амира вздохнула и ушла за дверь, оставив на прилавке тонкую полоску муки.

Мастер проследил за ней взглядом. При покупателях он уже не спорил, но выражение лица у него осталось прежним — смесь усталости и гордости, которую он, вероятно, предпочёл бы не показывать.

— Дети, — сказал он.

Ворс кивнул.

— У вас две дочери?

— Две. И обе думают, что изобрели хлеб.

— Возможно, одна из них и изобретёт.

Мастер усмехнулся.

— До них уже успели.

Пока Ворс выбирал буханку, у прилавка возникла небольшая задержка. Пожилая покупательница хотела получить хлеб с семенами, который ела всю жизнь, но Система предупредила, что одна из доступных разновидностей содержит компонент, противопоказанный её недавно обновлённой медицинской карте.

Женщина рассердилась.

— Я сто лет такой беру.

— Именно поэтому я рекомендую обратить внимание на изменение состояния здоровья, — спокойно ответила Система.

— А раньше куда смотрела?

— Результаты последнего обследования поступили сегодня утром.

Мастер попросил не ругаться и принёс другой каравай. Оказалось, он помнил привычку покупательницы и заранее приготовил для неё вариант без спорного ингредиента. Женщина

попробовала корочку, заметно успокоилась и даже согласилась, что в этот раз Система, пожалуй, пригодилась.

Ворс наблюдал за этим с неожиданным интересом.

Никакого конфликта не произошло. Никто не спорил о правах, никто не требовал доказательств, никто не был принуждён к чему-либо. Пожилая женщина просто получила другой хлеб и пошла домой.

Мастер вернулся за прилавок.

— Хорошо, что предупредила, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Да, — согласился Ворс.

— Без неё я бы и не узнал. Она же сама ничего не сказала бы.

— Да.

— Вот и говорю: толковая вещь. Только лезет иногда куда не просят.

Он провёл ладонью по столешнице и посмотрел на оставленную Амирой муку.

— Вы какой будете брать?

Ворс выбрал самый маленький ржаной.

Мастер завернул его и уже потянулся к следующему покупателю, когда из задней комнаты раздался громкий стук, за которым последовало возмущённое:

— Я говорила!

Пекарь закрыл глаза.

— Это не про тебя! — поспешно крикнула Амира.

— Когда в моём доме что-то падает, это всегда про меня.

Мастер оставил прилавок младшей дочери, вышедшей из-за занавески, и исчез в рабочем помещении.

Лейла оказалась ниже сестры, с коротко подстриженными волосами и широкими рукавами, которые она то и дело закатывала. Увидев Ворса, она остановилась.

— Вам ещё что-нибудь?

— Нет, спасибо.

— Тогда почему стоите?

— Жду, когда ваш отец вернётся.

— Зачем?

Ворс задумался.

— Наверное, из любопытства.

Лейла посмотрела на него с подозрением.

— Он там сейчас ругается на печь. Ничего интересного.

— Бывает.

Она перевела взгляд на его очки и бордовые брюки.

— Вы тот новый сосед, который вчера помогал Мире?

— Возможно.

— Она всем рассказывала про телефоны.

— Всем?

— Мне. Этого достаточно, чтобы считать всех.

Ворс улыбнулся.

— Справедливо.

Лейла оглянулась на дверь, за которой продолжался спор.

— Я бы их туда не пускала, — сказала она тихо. — Двоих сразу.

— Почему?

— Потому что каждый считает, что другой испортил тесто. А виновата печь.

— Она сломалась?

— Нет. Она решила, что знает лучше.

Печь оказалась современной и исправной. Во всяком случае, Система не обнаружила технических неисправностей.

Проблема была в другом.

Амира хотела испечь небольшую партию хлеба по старой записи, найденной в семейном архиве. В рецепте не было некоторых точных значений, к которым привыкло оборудование. Температура указывалась словами «как для хорошей корки», время — «до нужного запаха», а готовность теста предлагалось определять пальцами.

Автоматический режим попытался восполнить пробелы. Мастер, заметив отклонение от привычного цикла, исправил настройки. Амира вернула их назад. В итоге печь отменила запуск и предложила согласовать единую технологическую карту.

— Вот, — сказал Мастер, показывая на экран. — Разве не права?

— Она права для своего хлеба, — возразила Амира. — А я делаю другой.

— Мука одна и та же.

— Люди тоже все из одного материала, пап.

— Не начинай.

Лейла прислонилась к косяку.

— Я же говорила: печь умнее всех нас.

Ворс остался у двери. Его никто специально не приглашал, но и не выгонял. Он стоял с буханкой в руке и рассматривал старую запись. Бумага была переписана довольно недавно, однако неровные пометки по краям выглядели значительно старше основного текста.

— Вы умеете печь хлеб? — спросила Амира.

— Нет.

— Тогда почему смотрите так внимательно?

— Интересно, что значит «до нужного запаха».

— Вот!

Она повернулась к отцу.

— Хоть один человек спросил.

— Я тоже спрашивал, — ответил Мастер. — И до сих пор не получил ответа.

Амира положила ладонь на тесто.

— Это значит, что иногда надо самому решить, когда хватит.

— А если решишь неправильно?

— Будет плохой хлеб.

— И кто его будет есть?

— Я.

Мастер молча посмотрел на дочь.

Лейла не выдержала:

— И я. Если она опять заставит.

Пекарь махнул рукой.

— Делайте. Только мою утреннюю партию не трогайте.

Он вышел, оставив после себя запах горячей муки и недовольство, которое не успел высказать.

Амира ещё некоторое время стояла перед печью. Потом повернулась к Ворсу:

— Хотите попробовать?

— Что?

— Помочь. Раз уж вы здесь.

— Я же сказал, что не умею.

— Тем интереснее.

Ворс поставил хлеб на свободный стол.

Тесто прилипло к его рукам мгновенно.

Ворс осторожно оторвал один палец, за ним второй, но к ладони уже тянулась длинная липкая нить. Он попробовал стряхнуть её, чем только ухудшил положение.

Лейла смотрела на него с плохо скрываемым удовольствием.

— Вы точно программист?

— Именно поэтому я программист.

Амира сунула ему небольшую миску с мукой.

— Чуть-чуть на ладони. Не всю сразу.

Он послушался и снова взялся за тесто. Теперь получалось лучше. Амира показала, как подхватывать край, поворачивать массу и складывать её внутрь. Движение выглядело простым, пока его делала она. У Ворса тесто получалось то слишком вытянутым, то слишком плотным.

— Не давите, — сказала Амира.

— Я почти не давлю.

— Вы его душите.

— Извините.

— Перед тестом?

Лейла рассмеялась.

Ворс тоже, оставив на бордовых брюках белый след от ладони.

— Ну всё, — сказала Амира. — Теперь вы похожи на нашего.

Он посмотрел на брюки.

В детстве у него были светлые штаны, которые бабушка терпеть не могла. Не потому, что они были светлыми, а потому, что он постоянно пачкал их во дворе и пытался отстирать самостоятельно. Однажды принес в тазу столько земли, что вода стала почти чёрной. Бабушка рассмеялась и велела сначала вымыть самого себя.

Он помнил таз, её руки и собственное возмущение.

Не помнил, в каком возрасте это было.

— Вы замолчали, — заметила Амира.

— Вспомнил кое-что.

— Хорошее?

Вчера Мира задала ему точно такой же вопрос.

— Да, — ответил он. — На этот раз точно хорошее.

Амира кивнула, словно этого было вполне достаточно.

За работой выяснилось, что старшая сестра не любит объяснять дважды, зато умеет показать так, что ошибиться становится трудно. Лейла, напротив, объясняла охотно, с подробностями, часто совершенно ненужными, и неизменно начинала с того, чего делать не следует.

Они спорили о температуре, о влажности, о том, сколько времени нужно дать тесту и почему отец считает, что любая работа обязана иметь заранее известный результат.

— Он не такой, — неожиданно сказала Лейла, когда Амира в очередной раз пожаловалась.

— Какой?

— Не такой уж правильный. Просто он отвечает за всё, что здесь случается.

Амира промолчала.

Ворс поднял голову.

Лейла обмахнула лицо краем рукава.

— И за нас тоже. Хотя мы уже давно можем сами.

— Вот именно, — сказала Амира.

— Это я не тебе сказала.

Сёстры посмотрели друг на друга и почти одновременно отвернулись.

Ворс решил, что ему лучше снова заняться тестом.

Ближе к полудню Мастер вернулся проверить печь. Он долго стоял у двери, наблюдая, как Амира вручную корректирует режим. Система несколько раз предупредила о возможном отклонении качества, но не стала мешать после подтверждения ответственного работника.

— Упрямая, — сказал пекарь.

— Вся в тебя, — отозвалась Лейла.

— В мать, — ответил он.

Амира обернулась.

— Пап.

— Что?

— Не начинай.

Мастер поднял обе руки.

— Всё. Молчу.

Он подошёл к Ворсу, посмотрел на его руки и на белые разводы на брюках.

— Вы за хлебом пришли или на работу устраиваться?

— Пока ещё не решил.

— Опять не решил?

— У меня много незаконченных решений.

Пекарь рассмеялся.

— Ладно. Раз уж руки вымазал, помоги мне кое-что отнести.

Ворс послушно пошёл за ним в переднюю комнату.

На небольшом столике у окна стояли три бумажных пакета с хлебом. На одном была нарисована птица, на другом — три кривые черты, на третьем — маленький квадрат.

— У нас постоянные, — объяснил Мастер. — Некоторым проще рисунок запомнить, чем название.

— А им не доставляют?

— Доставляют. Но женщина с птицей уже три дня не выходит. Я обещал отнести лично, да здесь то одно, то другое. Сейчас пойду.

Он взял пакет и по привычке посмотрел на двери рабочего помещения.

Оттуда донеслось:

— Папа, не уходи! Скоро вынимать!

Мастер вздохнул.

— Видишь?

Ворс протянул руку.

— Давайте я отнесу.

Пекарь прищурился.

— Ты же не знаешь её.

— А нужно?

— Вообще-то нет.

Он немного подумал, затем назвал жилую галерею и номер двери. Ворс запомнил их, взял пакет и направился к выходу.

— И скажи ей, — окликнул Мастер, — что я завтра сам зайду!

— Скажу.

На улице было тепло.

По пути Ворс успел заметить, что у всех трёх жилых галерей разная отделка, хотя их планировка, вероятно, была одинаковой. В одной стену покрывали мелкие матовые плитки. В другой использовали тёмное дерево. Третья была почти целиком занята живыми растениями, и возле лифтов пахло влажной землёй.

Он нашёл нужную дверь не сразу.

За ней долго никто не отвечал.

Наконец послышались шаги, негромкий щелчок и осторожное:

— Кто там?

— Я от Мастера. Принёс хлеб.

Дверь приоткрылась.

Женщина была пожилой, но держалась прямо. На ней был тёмный халат с вышитым воротником. Она посмотрела сначала на Ворса, потом на пакет.

— Он сам не пришёл?

— Нет. У него хлеб в печи.

— Вечно у него хлеб в печи.

Она забрала пакет, открыла его, понюхала и удовлетворённо кивнула.

— А ты кто?

— Новый сосед.

— Мастера?

— Пока никому не сосед. Просто недавно приехал.

Женщина усмехнулась.

— Тогда ещё не знаешь, что у нас принято.

— Не знаю.

— Вот и хорошо. Сам узнаешь.

Она хотела закрыть дверь, но остановилась.

— Он сказал что-нибудь?

— Сказал, что завтра придёт сам.

— Врёт. Не придёт. У него опять что-нибудь подгорит.

Ворс улыбнулся.

— Я передам.

— Не надо передавать. Он и так знает.

Дверь закрылась.

Ворс постоял ещё несколько секунд и пошёл обратно.

Когда он вернулся в пекарню, запах изменился.

В нём появилась горечь, которой утром не было. Не запах испорченного хлеба, а что-то близкое к жареной корке, горячим семенам и обугленной муке. Печь работала, Амира стояла перед ней с длинной деревянной лопатой.

— Успели? — спросил Мастер.

— Да. Она получила хлеб.

— Ругалась?

— Немного.

— Значит, всё хорошо.

Пекарь тут же занялся покупателями, а Ворс остановился рядом с Амирой.

— Как наш эксперимент?

— Сейчас узнаем.

Она осторожно вытащила первый каравай.

Корка была неравномерной. На одном краю слишком тёмной, на другом — почти золотистой. Снизу осталась небольшая трещина, а поверхность поднялась бугром.

Амира посмотрела на него с таким вниманием, словно перед ней лежал не хлеб, а результат многолетнего исследования.

— Некрасивый, — заметила Лейла.

— Красивый, — сказала Амира.

— Он кривой.

— И что?

— Ничего. Просто кривой.

Мастер подошёл, осмотрел каравай со всех сторон и не стал ничего говорить. Вместо этого взял нож, выждал немного, разрезал остывающий край и протянул кусок Амире.

Она попробовала.

Долго жевала.

Потом отломила ещё.

— Ну? — спросила Лейла.

— Не знаю.

— Амира!

— Подожди.

Мастер взял себе кусок. Откусил, задумался и посмотрел на дочь.

— Пахнет правильно.

— А вкус?

— Слишком кисло.

— Совсем?

— Нет. Не совсем.

Он взял второй кусок.

Лейла тоже попробовала и тут же скривилась.

— Кислый.

— Зато настоящий, — сказала Амира.

— Настоящая кислота.

Они засмеялись.

Ворсу достался маленький ломоть с самой тёмной коркой. Он откусил и обнаружил, что хлеб действительно необычный. Кислота появлялась сначала, потом почти исчезала, уступая место тяжёлому зерновому вкусу. Корка была такой плотной, что хруст слышался даже ему самому.

Он прожевал.

— Ну? — спросила Амира.

Ворс посмотрел на её лицо.

Она ждала ответа серьёзно, почти сердито.

— Я бы купил, — сказал он.

— Потому что вкусно?

Он задумался.

— Потому что хочу попробовать ещё раз.

Амира несколько секунд смотрела на него, затем улыбнулась.

— Это лучше.

Мастер отрезал третий кусок и покачал головой.

— Завтра сделаем ещё. Но с температурой я помогу.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Амира.

Он поднял брови.

— Вот так просто?

— Ну, ты же тоже попробовал.

Лейла засмеялась.

Под конец дня народу стало меньше. Мастер занялся уборкой, Лейла уносила пустые лотки, Амира переписывала результаты опыта в потрёпанную тетрадь. Ворс уже собирался ухо-

дить, когда заметил на полке возле двери длинный футляр с потемневшими металлическими кольцами.

— Это что?

Амира подняла глаза.

— Старый спиннинг.

— Ваш?

— Нашли среди семейных вещей. Он сломан, кажется.

Ворс подошёл ближе, но не взял футляр без разрешения.

— Вы рыбачите?

— Нет.

— А хотели бы?

Она закрыла тетрадь.

— Наверное.

— Почему «наверное»?

— Не знаю, что это такое.

— Рыбалка?

— Я знаю, что такое рыбалка. Я не знаю, каково это — сидеть и ждать, пока под водой что-нибудь решит к тебе подплыть.

Ворс невольно улыбнулся.

— В основном довольно скучно.

— Правда?

— Иногда часами ничего не происходит.

— И зачем тогда?

Он посмотрел на футляр.

— Хороший вопрос.

Амира пожала плечами.

— Отец говорит, что у нас достаточно занятий и без этого. А мне интересно.

— А вода где?

— В Куполе много воды.

— Я имел в виду такую, где водится рыба.

Амира задумалась.

— Не знаю. Кажется, в некоторых технических резервуарах есть. Но там не везде можно находиться.

— Значит, сначала лучше выяснить, где можно.

Амира удивлённо посмотрела на него.

— Вы вчера помогали Мире с телефонами. Я думала, вы тоже из тех, кому обязательно нужно нарушить всё, до чего можно дотянуться.

Ворс рассмеялся.

— С чего бы?

— Мира такая.

— Она любит понимать, как всё устроено.

— А вы?

Он немного помолчал.

— Я тоже.

— Тогда почему вы всё время говорите «сначала выяснить»?

— Потому что не люблю портить интересные вещи раньше времени.

Амира не сразу нашлась с ответом.

Потом сказала:

— Странно.

— Мне уже говорили.

— Мира?

— Мира.

Они улыбнулись друг другу.

В этот момент из рабочей комнаты вышел Мастер.

— Амира, противни!

— Иду!

Она поднялась, взяла тетрадь и, проходя мимо Ворса, кивнула на футляр.

— Если разберётесь, что с ним, скажите.

— Хорошо.

— Только не разбирайте без меня.

— Договорились.

Она ушла.

Ворс остался возле полки ещё на минуту. Футляр был старый, жёсткий, с оторванной ручкой. Он помнил такой тип креплений. Но действительно не знал, сохранилось ли внутри что-нибудь пригодное.

Он не стал открывать.

Дома он обнаружил, что на бордовых брюках высохла мука.

Белый отпечаток ладони остался чуть выше колена. Ворс попытался стряхнуть его, но мука успела забиться в ткань. Пришлось намочить тряпку и осторожно промокнуть пятно.

— Ваше сегодняшнее перемещение включало посещение пекарни и жилой галереи, — сообщила Система. — Хотите добавить эти места в избранные?

— Пекарню можно.

— Добавлено.

— А галерею не надо.

— Хорошо.

Ворс снял брюки, повесил сушиться и переоделся.

На столе лежали два хлеба. Вчерашний ржаной и маленький ломоть Амириного, завёрнутый в отдельную бумагу. Он положил их рядом и долго выбирал, с какого начать.

Потом отрезал по кусочку каждого.

Вчерашний был мягче и привычнее, несмотря на то, что успел подсохнуть. Амирин — грубее, кислее, с неожиданной горечью в корке. Они совершенно не подходили друг к другу.

Ворс съел оба.

Вспомнил, как Мастер пробовал хлеб дочери, стараясь не показать, что ему понравилось. Как Лейла издевалась над кислым мякишем, но всё равно отломила ещё один кусок. Как Амира выжидала перед печью, не позволяя никому вмешиваться.

Он не мог вспомнить, когда в последний раз видел семью, которая так много спорила из-за столь малого.

В соседней квартире кто-то уронил металлическую вещь. Через секунду донёсся голос Миры, затем короткий звонок одного из их старых телефонов.

Ворс улыбнулся.

Он достал из сумки книгу, открыл её на случайной странице и некоторое время пытался читать. Но взгляд возвращался к столу, к двум ломтям и к белой муке, оставшейся на его пальце.

В доме его детства хлеб резал дед.

Это Ворс помнил хорошо. Дед придерживал буханку ладонью, а нож вёл медленно, чтобы не крошить корку. Бабушка собирала крошки в блюдце.

Однажды Ворс спросил, зачем собирать их, если хлеба ещё много.

Дед ответил что-то простое. Наверное, про птиц. Или про то, что хлеб не принято выбрасывать.

Теперь Ворс не мог восстановить слова.

Зато помнил руки.

И крошки.

И что дед всегда оставлял последнюю корку ему.

Ворс посмотрел на пустое блюдце и вдруг понял, что сегодня тоже оставил себе последнюю корку.

Он съел её, не включая свет.

Из соседней квартиры снова донёсся звонок.

На этот раз Ворс даже не вздрогнул.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.